

Дисс-на-Land

Йоэль РЕГЕВ

Доцент, факультет политических наук и социологии (программа по философии), Европейский университет в Санкт-Петербурге (ЕУСПб). Адрес: 191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 6а. E-mail: yoel.regev@gmail.com.

Ключевые слова: Ник Ланд; акселерационизм; гиперверие; телеоплексия; коинсидентология; тиджеинг.

Статья посвящена акселерационистскому движению в целом и акселерационизму Ника Ланда в частности. Мысль Ланда анализируется начиная с самых ранних этапов «темного делёзианства» и участия в группе CCRU и до последних текстов о телеоплексии и риске. Особое внимание уделяется понятию «гиперверие» (*hyperstition*). Подобное рассмотрение философии Ланда как единого целого и сравнение ландовской версии акселерационизма с «левым акселерационизмом» Алекса Уильямса и Ника Шричека позволяют выявить основной конфликт акселерационизма как такового: техники обращения с «силами внешнего» сводятся здесь к маниакально-депрессивной стратегии движения между полюсами необходимого и случайного. Акселерационистское движение оказывается вписанным в более общий контекст одержимости европейской мысли концептом «необходимой случайности» — от «системы свободы» немецких идеалистов до «пластичности» Катрин Малабу и «гиперхаоса» Квентина Мейясу.

Статья указывает на кантовскую критическую философию как на исток стратегии производства этой «необходимой случайности»

путем задействования специфического механизма маниакально-депрессивного движения между двумя противостоящими полюсами кантовской критической философии. Акселерационизм и философия Ланда представлены как продолжение замыкания, разворачивающегося в пространстве «Критик»: сведение вопроса о синтетическом как вопроса о чистом удерживании-вместе-разделенного к вопросу о трансцендентальном. Это выявление «действующего вещества» акселерационизма позволяет сформулировать альтернативу — радикальный тиджеинг (*Tjing*). Коинсидентальный метод, основывающийся на утверждении субстанциальности совпадения и прояснения структуры чистого удерживания-вместе-разделенного, делает возможным проникновение внутрь синтезов трансцендентального воображения; тиджей (*TJ*), нарезающий и сводящий вместе невозможные временные ряды, занимает место лейбницевского Бога, выбирающего наилучший из возможных миров. Озабоченности будущим и вопросом «Что еще может произойти?» противопоставляется вопрос «Что уже произошло и как это можно изменить?»

И хотя для того, чтобы доказать релевантность новой, геоцентрической модели, мне пришлось неимоверно усложнить само понятие «центра»... все же человечество услышало фразу «Подвинься, Коля», произнесенную мной на русском языке с приятным акцентом в одном из радиоинтервью (я имел в виду Коперника, конечно). *Move your ass, Nick* — торжествующе и повсеместно звучал американский аналог этого пароля, и даже подростки 30-х годов двадцать первого века танцевали под эхо этой фразы, бесчисленно отраженной в потоках той музыки, под которую тогда танцевало все более или менее харизматическое малолетство.

Павел Пепперштейн. Холодный центр солнца¹

Нарезка аттракционов

« ТОТ мир находится в интересном положении!»² — строка из рэпа, завершающая рассказ Павла Пепперштейна «Жидкий азот», а вместе с ним и книгу «Эпоха аттракционов». Пожалуй, так звучит главный внутренний импульс всего акселерационистского движения — как правого, так и левого. Более того, таким мог бы стать эпиграф ко всей деятельности Ника Ланда, начиная с эпохи CCRU³ и вплоть до самых последних статей о телеоплексии и о риске⁴.

Мир находится в интересном положении, мы — во власти интересных сил: способность к «странной одержимости» вымышленным, благодаря которой вымысел становится реальным вопреки и помимо воли тех, кто самоуверенно приписывал себе его авторство (а на деле оказывается лишь носителем вируса, необходимым, но отнюдь не первичным участником симбиоза, заставляющего реальность срывать с петель и выходить за собственные

1. Пепперштейн П. Холодный центр солнца // Он же. Предатель ада: Рассказы. М.: НЛО, 2018. С. 11.
2. Он же. Жидкий азот // Он же. Эпоха аттракционов. М.: Garage, 2017. С. 317.
3. См.: CCRU. 1997–2003. Falmouth: Urbanomic; Time Spiral Press, 2017.
4. См. перевод статьи Ника Ланда «Телеоплексия: заметки об акселерации» в настоящем номере «Логоса»; *Land N. Odds and Ends: On Ultimate Risk* // *Collapse*. 2015. Vol. 8. P. 361–383.

пределы), — основная движущая сила «гиперверия»⁵, но одновременно и действующее вещество «капитализма» или «Нового Времени». И там и там речь идет о «прибавочной стоимости»⁶, автотрансценденции способностей: огонь, зажигаемый на жертвеннике, становится инициатором стократно превосходящего огня Внешнего, уничтожающего все «слишком человеческие» предположения по поводу желательных исходов и целей предпринятых действий. И именно такого рода «селекция проектов», отбирающая их по способности провоцировать вторжение пересиливающего Реального, и есть подлинная основа конкуренции — естественный отбор, осуществляемый «социальным дарвинизмом», опирается на способность «призывать духов», добиваться вторжения «нечеловеческого».

Что может противостоять этому блеску нечеловеческих аттракционов, безрассудной отваге идущих на смерть и приветствующих ее, движущихся за огненным столпом, куда бы он их ни вел, и всегда говорящих ему «я хочу еще немного больше»? Да и надо ли противостоять? Не следует ли склониться перед очарованием риска, перед зовом ничем не сдерживаемого будущего и попросту признать их власть?

5. В наиболее ясном виде определение этого понятия содержится в тексте: Lemurian Time War // CCRU. P. 33–53, esp. 34–37. Основополагающей здесь является отсылка к Уильяму Берроузу и его пониманию «условия существования» как «результата космической войны между конкурирующими разведорганизаціями». Гиперверие, превращающее фикции в реальное, оперирует на плане магической войны, позволяет разного рода «богам и силам» действовать в мире и противостоит тем самым Порядку Единого Бога, который пытается выдать собственную фикцию за единственно возможную, а потому отрицает свой вымышленный характер и саму возможность использования фикции как контейнера магических средств интервенции в мир.
6. Гиперверие всегда превосходит единичные усилия тех, кто его иницирует, и потому подразумевает коллективность; выход за рамки предполагаемого (хотя и иницируемый некоторым изначальным толчком, невозможным без предположений) является основным свойством всего этого процесса: «Всегда есть соблазн приписать их появление кому-то конкретному: такие-то люди в канале /pol/ использовали эту картинку, причем намеренно. Но такой взгляд совершенно неадекватен. Тут участвует перевод с оркского языка из вселенной Варкрафта, тут участвует древнеегипетский культ, тут участвует одержимость определенным набором фонем, который проходит насквозь, этот фонетический взрыв, К К К К К. Очевидно, что это модель для гиперверия» (см. интервью с Ником Ландом «Фрагментация — вот единственная стратегия» в настоящем номере «Логоса»).

Не следует. И причина проста: мы действительно хотим еще немного больше. Аттракционы будущего слишком скучны, а в самом риске слишком мало риска. Максимальная угроза, которой мы подвергаемся в аттракционе техноэкономического Нового Времени, — погибнуть и потерять себя. Но разве это самое страшное из всего, что может произойти? И к тому же: отчего мы должны удовлетворяться тем, что призываем, как варягов, Рынок, Искусственный Интеллект и Ктулху, чтобы они пришли и владели нами? Отчего наше проникновение в область внешнего должно ограничиваться одной только «инвокацией» — пассивным предоставлением себя в качестве носителей для превосходящих нас (но отчего-то все же нуждающихся в нас для того, чтобы проникнуть в мир, а возможно, и для того, чтобы вообще начать существовать, ведь «никто не дергает за нити») сил? Можно представить себе интервенцию куда более радикальную, не просто «подставляющую себя» под внешнее, но проникающую внутрь него, трансформирующую и излечивающую его — по модели анекдота о Ленине в аду и в раю: во-первых, не Ктулху, а товарищ Ктулху, и отстаньте от меня со всем этим вашим «странным» и «богохульственным», некогда мне, на партсобрание опаздываю!

В этом отношении «интересное» Пепперштейна противостоит «интересному» CCRU и Ланда: в нем присутствует ясное понимание того, что «силы внешнего» — это заигравшиеся дети, сами не понимающие, куда забрались, и нуждающиеся в человеке для прояснения собственной сущности. Подобного рода «перещелкивание», всегда являвшееся основой деятельности практикующего каббалиста (в лурианской каббале мир представляет собой невротический симптом, а каббалист выступает кем-то вроде аналитика, позволяющего Богу перейти через фантазм), может и должно стать основой более радикальной стратегии интеологии, противостоящей как «Порядку Единого Бога», утверждающему реальность в качестве единственно возможной и данной, так и множественности магических практик. Для преодоления власти Контроля необходимо захватывать почты и телеграфы, то есть именно «точки запираания», «пункты заканчивания», которые удерживают Реальность в ее неизменности. Главный вопрос не «Что еще может произойти?», а «Что уже произошло и как это можно изменить?» — таков центральный тезис того проекта, который мы хотим, пусть и в самых общих чертах, противопоставить здесь акселерационизму и его одержимости будущим; противопоставить как более интересный. Аттракционы следует не просто монтировать, их надо нарезать и сводить.

И если «не только общество, но и время следует капиталистическим путем»⁷ — тем хуже для времени. Подчеркнем: речь не о том, чтобы противопоставить «неправильному будущему» Ланда «настоящее будущее», свободное от теней прошлого и способное по-настоящему сорваться с цепи и прекратить проваливаться в уже-бывшее. Так пытаются поступить левые акселерационисты⁸. Однако спор о том, чье будущее более настоящее, успел изрядно поднадоесть и должен был отойти в прошлое еще до появления акселерационизма. Фантазм «настоящего будущего» преследует радикальную мысль на протяжении как минимум двухсот лет; всякий раз оказывается, что будущее, на которое возлагались надежды, было заражено и подпорчено прошлым — и всякий раз нам предлагают новое будущее со сто-процентной гарантией темпоральной чистоты, с абсолютной непорочностью и устойчивостью к соблазнам. Но всегда выхо-

7. Ср.: *Land N. Fanged Noumena*. Falmouth: Urbanomic, 2011. P. 441–461.

8. В центре манифеста Шрничека и Уильямса лежит утверждение о том, что капитализм обещает «будущее, которое в сущности не в состоянии обещать». В качестве причины подложности капиталистического будущего вполне в традиционном марксистском ключе указывается конфликт между производственными силами и производственными отношениями. В рамках капитализма и неолиберализма как его современной версии «прогресс... ограничивается рамками прибавочной стоимости, резервной армии труда и свободным движением капитала. Современность сводится к статистическим подсчетам коэффициентов экономического роста, а социальные инновации покрываются коркой китчевых пережитков нашего коллективного прошлого» (см. перевод «Манифеста акселерационистской политики» Алекса Уильямса и Ника Шрничека в настоящем номере «Логоса»). С точки же зрения Ланда, именно «настоящее будущее» левых акселерационистов является фальшивым и зараженным прошлым: они всячески пытаются подчинить экономическое политическому и блокировать с помощью гомеостатической регуляции, основывающейся на «слишком человеческих» представлениях о справедливости и благе, «линию детерриторизации», которой соответствует «нескомпенсированный капитализм» (см.: *Land N. Annotated #Accelerate (#1) // Urban Future (2.1)*. 14.02.2014. URL: <http://ufblog.net/annotated-accelerate-1/>; *Idem. Annotated #Accelerate (#2) // Urban Future (2.1)*. 15.02.2014. URL: <http://ufblog.net/annotated-accelerate-2/>). Пожалуй, трудно найти более показательный случай для демонстрации всей тщеты попыток «меряться будущими»: обе стороны могут убедительно указать на неудовлетворительный характер реального будущего как в его левой, так и в его правой версиях; настоящее же будущее, которого до сих пор еще не было, присутствует лишь как обещание, обосновываемое исключительно риторическими средствами; как объект веры, для причастности к которому необходимо исключительно морально-этическое усилие осознания того факта, что «в карете прошлого далеко не уедешь».

дит, что «так поступают все будущие»: новое будущее, как и его предшественник, вступает — ладно бы в кровосмесительный союз — в скучный законный брак с прошлым, коллапсирует в повторение одного и того же, уже давно бывшего, и вот уже у входа толпятся новые претенденты на роль «настоящего будущего», которое не обманет.

Такое положение дел должно как минимум вызвать подозрение (обосновывающий его анализ онто-экономической структуры акселерационизма последует далее): проблема не в том или ином будущем, а в будущем самом по себе. Специфическое бессилие будущего связано с тем, что оно пытается себе присвоить то, что ему по праву не принадлежит, и оттого постоянно терпит крах. Будущее постоянно проигрывает прошлому и коллапсирует в него не потому, что не было «настоящим», а потому, что любое будущее всегда уже заражено прошлым; предотвращение же подобного коллапса требует поддержки инстанции, внешней по отношению ко времени как таковому. Собственными силами будущее справиться не может.

Следует думать о будущем: подобная максима, пожалуй, представляет собой главное «общее место» современного порядка вещей; с ней согласится почтенный отец семейства, наставляющий своих детей, и радикальный мыслитель, призывающий к подрыву всех основ. И если верно, что любое размыкание ситуации требует выявить, в чем согласны между собой конфликтующие стороны, а затем подвергнуть раскалывающему сомнению центральное ядро, «стоящее на кону», то именно власть будущего в нашем актуальном положении является главным кандидатом на эту роль.

Нужно выбирать более разнообразных сексуальных партнеров. А секс с будущим — это не «золотой секс»⁹, это даже и не секс вообще. Таков главный панчлайн нашего дисса. Твои аттракционы скучны, рисковать нам тесно! Философы слишком долго трахались с будущим — нам больше не интересно!

9. «И если Земля вдруг крякнет и пернет и выпустит газы, как проколотый на... баллон,
Есть что вспомнить! Стыковка „СОЮЗ“ — „АПОЛЛОН“!
В нашей общей жизни случился... моментик золотого секса».
И поэтому «...то, что вы зовете прогрессом, только плодит уродов и уродует лица» (*Пептерштейн П. Жидкий азот. С. 316–317*). По-настоящему нечеловеческое и интересное — вовсе не прогресс с его акселерацией, а космическо-сексуальные стыковки различного рода.

Критика мастурбаторного суждения

Мы, однако, не намереваемся довольствоваться голословными утверждениями. Нашей целью является атаковать акселерационизм изнутри и показать, что он не способен следовать собственным призывам, — такова суть тезиса, что в самом риске всегда слишком мало риска. Основное противоречие акселерационизма заключается в том, что весь проект «гиперверия» — если воспринимать его как проект «вторжения нечеловеческого» — сводится к экономике и логике акселерации. Именно такое отождествление (как это всегда и бывает, ретроактивно отбрасывающее тень и на само понятие «гиперверия») и станет главным объектом нашей критики. Затем мы в общих чертах набросаем возможную альтернативу.

Наш вопрос касается прежде всего «активного вещества». Каков аттрактор, которым обеспечивается притягательность акселерационистского аттрактора — то самое «тянет нас к ней», что заставляет в нем участвовать? Ведь если посмотреть непредвзято и со стороны, аттрактор этот довольно однообразен и утомителен: мы начинаем движение, и вдруг — оп! — средство оказывается целью, мы движемся уже к новой цели, но опять натываемся на средство, которое стало целью¹⁰. Для того чтобы оставаться

10. Нельзя не заметить, что весь проект акселерационизма в целом повторяет основные шаги той стратегии, которую Жиль Делёз определяет как «садистскую» (см.: Делёз Ж. Представление Захер-Мазоха // Венера в мехах. М.: РИК «Культура», 1992. С. 189–314. Подробнее о садистской и мазохистской стратегии и их роли для актуальной мысли см.: Регев Й. Невозможное и совпадение. Пермь: Гиле Пресс, 2016. С. 49–74). Модус действия акселерациониста — всегда «абсолютное преступление» садистского героя: будучи не удовлетворен результатом конкретной трансгрессии, достигающей лишь ограниченного хаоса «природы-2», отменяющего только данную конкретную систему законов и устанавливающего новую, он стремится предельно ускорить свою преступную деятельность, всегда добавляя к одному неудачному преступлению еще одно — для того, чтобы череда мерцающих точек ускользания, «божественных мгновений анархии», оказалась наделенной предельной плотностью. Собственно, все «темное делёзианство» Ланда и представляет из себя не что иное, как предельную интенсификацию садистской стратегии (при полном игнорировании мазохистской составляющей, что, впрочем, характерно практически для всей актуальной рецепции Делёза в целом); «телеоплексия» и «цепочка венчурных рисков» — последнее на настоящий момент узловое пункты такого маршрута двойных трансгрессий.

вовлеченным в эти американские горки самоподворачивающейся причинности, необходимы серьезные основания.

То же касается и вопроса о будущем в целом. Если на мгновение стряхнуть с себя чары, нельзя не осознать, что он представляет крайне малый интерес. «Что еще может произойти?» — ну мало ли, что еще может произойти. И какое это вообще может иметь значение для меня сейчас? Общество, конечно же, постоянно гипнотизирует нас сценариями возможных катастроф. Но стоит ли поддаваться императиву перебора всех возможных вариантов нашего уничтожения? «Свободный человек меньше всего думает о смерти» — эта Спинозистская максима может быть распространена и на будущее в целом. Следует иметь дело с реальными проблемами. Вот когда дойдет дело до смерти — тогда и посмотрим, что с ней делать. А до того чего о ней размышлять? То же справедливо в отношении всего, что еще может произойти: вот когда произойдет, тогда мы им и займемся. А сейчас у нас и без того достаточно дел — надо разбираться с тем, что уже случилось.

Однако в акселерационистском аттракционе присутствует реально притягательный элемент. И этот элемент, вокруг которого, собственно, организовано движение ускорения, — некое магическое соединение необходимости и случайности, мягкости и твердости: система свободы, о которой философия грезит последние двести лет. Начиная с немецких идеалистов с их «системой свободы» и вплоть до «пластичности» Малабу и «принципа фактуальности» Мейясу аттрактор продолжает притягивать мысль, приводя ее в безостановочное движение.

Приводя в движение — поскольку в рамках того способа производства «необходимого случайного», который господствует в эти последние двести лет, оно может быть дано лишь в маниакально-депрессивном перемещении между двумя полюсами. Система свободы — всегда система заносов и буферов, уравнивания тормозных путей. На «случайную необходимость» можно только наткнуться, или, точнее, ее можно только пропустить: она дана как «вечно-проскакиваемое» в движении от необходимого к случайному и обратно. Поэтому движение должно постоянно обновляться, однако для возобновления необходима иллюзия. В иллюзии, в свою очередь, и кроется тайна будущего — фантазматической надежды на то, что по определению данное как вечно-пропускаемое и находящееся за спиной все же в следующий раз может быть не пропущено и удержано перед нами.

Обратим внимание: основной претензией акселерационизма к нынешнему положению вещей является, казалось бы, тот

факт, что абсолютная детерриторизации наступающего будущего сдерживается ретерриторизацией. Революция остается прерванной, жест освобождения сразу же дополняется жестом порабощения и т. д. Можно предположить, что акселерационистская альтернатива будет стратегией тотальной детерриторизации, отказа от всякого стремления к оседлости, устойчивости и структурированности. Однако это не так. Несмотря на эстетическую привлекательность хаотического, заявляет Ланд, с практической и политической точек зрения чистый хаос неприемлем:

... не думаю, что возможно создать идеологию из чистой энтропии социального распада, она просто не работает. <...> Она порождает реакцию, которая победит¹¹.

Если и имеется пункт программы, в котором царит полное согласие между правым и левым вариантами «настоящего будущего», то это именно настаивание на том, что будущее совмещает в себе хаотичность и организованность:

Мы должны установить коллективно контролируруемую и легитимную вертикаль власти, которая будет дополнять развитые горизонтальные социальные формы: мы должны избежать вероятности как становления рабами тирании тоталитарного централизма, так и зависимости от неустойчивости ныне возникающих неподконтрольных систем. Командная система Плана должна сочетаться с импровизированным порядком Сети¹².

Речь идет не о тотальной детерриторизации, о полном предоставлении власти случайному, а о создании системы селекции и «допроса» того, что представляет себя в качестве «Внешнего»: нужно, чтобы в реальность допускалось лишь то Внешнее, которое настаивает на своей абсолютно произвольной необходимости. Собственно, вся система «имманентизированного риска», ставящего всякий раз под угрозу саму сущность делающего ставку, — не что иное, как способ осуществления подобной селекции.

Алгоритм «казино Нового Времени», общий модус действия бизнес-корпораций и математизированного естествознания, состоит из двух повторяющихся шагов: 1) тотальной мобилизации тщательно выстраиваемой и исчисляемой программы действий — научной гипотезы или коммерческого плана и 2) тоталь-

11. См.: «Фрагментация — вот единственная стратегия».

12. См.: Манифест акселерационистской политики.

ной капитуляции, испытания этой программы «реальностью», вторжением Внешнего, абсолютно непредсказуемой и произвольной стихией рынка или эксперимента. Объектом отбора в подобной системе «социального дарвинизма» и «вменяемого в обязанность авантюризма» является прежде всего рискующий субъект, поскольку «выживают лишь преуспевшие». Однако в той же степени селекции подвергается и Внешнее: оно провоцируется на реакцию гипотезой или планом, и именно настойчивость реакции служит тем пропуском, который дает ему право входа в реальность:

Кто угодно может говорить о Реальном, но, пока не предъявлен какой-то механизм, обеспечивающий не просто голос Извне, а действительное функциональное вмешательство с его стороны, которое имеет избирательный характер, — его слова ничего не значат¹³.

Система имманентизированного риска — это система селекции и отбора Внешнего, делающего возможным его вторжение.

Сочетание призыва к тотальной детерриторизации с практикой перемещения машины де- и ретерриторизации в новые условия и ее перезапуска отнюдь не случайно. Аттракцион ускорения устроен таким образом, что нуждается в надежде: только ею воодушевляется маниакально-депрессивное движение туда и обратно. Необходимая случайность может быть дана лишь как череда пропусков. Но для того, чтобы начиналось движение, ведущее к этому пропуску, необходимо верить в возможность достижения цели; без этой веры никто не стал бы утруждать себя движением «просто для того, чтобы еще раз пропустить». Неудача предшествующих попыток всегда относится на счет контингентных обстоятельств, объясняется тем, что мы «недостаточно хорошо прицелились». Но зато уж на сей раз... А стало быть, правый и левый акселерационизм необходимы друг другу: все прошлые промахи легко объясняются «идеологическими предрассудками».

Впрочем, наша претензия к акселерационистскому аттракциону заключается вовсе не в том, что он нечестен: очень даже интересные аттракционы могут быть иногда основаны на обмане (Ницше прав). Наша претензия в том, что этот аттракцион — скучный. По сути дела, речь идет о сочетании довольно-та-

13. См.: «Фрагментация — вот единственная стратегия».

ки дурацкой комедии с унылым порно: с одной стороны, мы сами оказываемся в роли постоянно спотыкающегося и падающего героя, так что в конечном итоге выясняется, что герой и был с самого начала не чем иным, как спотыканием, а все остальное — его метафизические иллюзии на свой собственный счет. Смех по этому поводу дополняется вуайеристским возбуждением при виде мастурбирующих машин — инструмента, сплетающегося с самим собой, углубляющегося в самого себя и порождающего самого себя¹⁴. Если вам не скучно в таком кино, можете оставаться. А мы пошли дальше.

Жаба-повитуха: время лицом к лицу

Куда же ведет наше дальнейшее движение? Например, в направлении спецификации средств допроса внешнего. Внешнее действительно надо допрашивать, даже сверх того: его следует раскалывать. А именно это и не позволяют делать слишком грубые средства, применяемые акселерационистскими дознавателями. Необходима разработка куда более тонкой системы распознавания сигналов, посылки запросов, выявления направлений расследования, чем удары акселерационистской кувалды, позволяющие либо полностью принять внешнее, либо отвергнуть его. А посему следует задержаться и обосноваться в той точке, которая в рамках акселерационистской парадигмы остается всегда упускаемой, — точке, лишь косвенным образом характеризующейся как «случайная необходимость».

В этом, собственно, заключается и главный вопрос относительно функционирования описанного выше механизма: отчего в рамках акселерационистского модуса существования субстанции объект аттракции — точка, наделенная максимумом существования, — может быть дан только в модусе «всегда-пропущенного»? Для прояснения вопроса необходим подлинно материалистическо-диалектический подход — обращение к экономике в широком смысле слова, к распределению меры существования и весомости. Подобная экономическая проблематика остается полностью вне поля рассмотрения акселерационистов, несмотря на весь их интерес к экономике в более узком понимании.

Акселерационизм представляет собой лишь очередной этап в истории соскальзывания и замыкания, которая осуществляет-ся в пространстве кантовской критической философии и которая

14. См.: Телеоплексия: заметки об акселерации.

продолжает определять движение мысли по сей день. Сведение вопроса о том, как иметь дело с «интересными силами», о следовании Внешнему (и о позволении Внешнему впервые понять, куда же оно следует) к вопросу о «необходимой случайности», на которую можно только наткнуться в беспрестанном движении между двумя полюсами, — частный случай редукции вопроса об априорных синтетических суждениях к вопросу о данности неданного¹⁵.

Превращение находящегося за спиной в стоящее-перед — все не пустое обещание. Однако его не выполнить без радикальных экономических перемен, без размыкания того, что замкнуто в кантовской философии, без спекулятивной интервенции, утверждающей субстанциальность совпадения как чистого удерживания-вместе-разделенного и делающей возможным его освобождение из-под власти Имманентного Невозможного, в рамках которого оно распадается на полюса случайного и необходимого, наличия или отсутствия связи и мыслится исходя из них.

Основные этапы подобной интервенции изложены в первой части «Краткого трактата о методе». Однако сейчас нас занимает другой вопрос: мы хотим показать, действующим веществом для каких аттракционов сможет стать горючее, добыча которого обеспечивается освобождением совпадения.

Социальный дарвинизм слишком скучен и не слишком опасен; гораздо занимательнее ламаркизм темпоральных треков. Особой важностью здесь обладает фигура Пауля Каммерера, австрийского биолога и коммуниста, покончившего с собой в Альпах в сентябре 1926 года, за две недели до предполагавшегося переезда в Москву, где ему было предложено руководить лабораторией в Коммунистической Академии¹⁶. Причиной самоубийства было, по всей видимости, обвинение в научной недобросовестности и подделке результатов экспериментов.

У самцов жаб, живущих в воде, в брачный период на лапках появляются шипы для того, чтобы удерживать самку во время совокупления: иначе она будет выскользывать. У самцов жабы-повитухи, живущей на суше, таких шипов нет; но, если поместить их в воду, шипы появляются. Каммерер утверждал, что такие шипы имеются и у потомства жаб-повитух, помещенных

15. О проблематике кантовского замыкания см.: *Регев Й.* Коинсидентология: краткий трактат о методе. СПб.: Транслит, 2015.

16. О Каммерере, его жизни и работе см.: *Koestler A.* The Case of the Midwife Toad. N.Y.: Random House, 1972.

в воду. Однако биолог Нобель обвинил Каммерера в фальсификации: по его заявлению, то, что Каммерер выдавал за шипы, оказалось всего-навсего уплотнением, возникшим в результате вприскивания чернил.

Луначарский, по приглашению которого Каммерер должен был приехать в СССР, еще в 1928 году пытался оправдать Каммерера, утверждая, что тот стал жертвой политического преследования. Более того, снятый Григорием Рошалем по сценарию Луначарского фильм «Саламандра» (несколько более романтическая ящерица и вопрос изменения окраски заменяют совокупляющихся жаб), в котором Луначарский в двухминутном cameo играет самого себя, по сути дела, пытается произвести перемены в прошлом — примерно как агент Купер в двух последних сериях третьего сезона «Твин Пикс». В решающий момент, когда загнанный сговорившимися фашистами и клерикалами Каммерер уже готов покончить с собой, его находят представители советского посольства, он уезжает в Советский Союз, встречает Луначарского и остается жив.

Однако одной лишь доброй воли недостаточно для того, чтобы произвести изменения в прошлом (да и подмена секса романтикой совсем этому не способствует): они остаются в области фикционального, да и там забываются. Для подлинного избавления Каммерера от обвинений в нечестности необходимо сделать прозрачными друг для друга три главные темы, занимавшие его на протяжении всей жизни: неоламаркистская эволюция, основанная на наследовании приобретенных признаков, совпадение и теории омоложения/бессмертия. Все эти три области самим Каммерером воспринимались как отделенные друг от друга. Но только выявление связи между ними может избавить каждую из них от коллапса в мистику и шарлатанство. И только выявление общего поля, в котором двигалась мысль Каммерера, может сделать возможным также и ретроактивные операции в прошлом, которые не удаются в полной мере ни Луначарскому, ни Линчу.

В противоположность социал-дарвинистским качелям «ставка — отбор» неоламаркистское понимание эволюции предполагает возможность продуманной селекции: выделения и увековечивания благоприятных признаков и отсеивания нежелательных. Однако каков критерий «благоприятного» и «желательного»? Казалось бы, мы оказываемся отброшены в область слишком человеческого телеологии: мутации и изменения оказываются заранее предписанными телеологией, теми или иными уже наличными представлениями о должном.

Как раз тут в первую очередь необходимо вмешательство коинцидентального метода, последовательно утверждающего субстанциональность совпадения и извлекающего из нее все необходимые следствия¹⁷. Процедуры дефиниции и резолюции¹⁸ позволяют выявлять «слабые звенья» ситуации — эрогенные зоны реальности, точки, в которых может быть произведено разрешающее зум-движение. Проблема жабы-повитухи служит здесь неплохой моделью: это Настоящий Аттракцион. Что-то так и норовит выскользнуть, хотя вроде бы мы крепко держим его прямо перед собой. (По поводу самоубийства Каммерера ходили слухи, что дело не ограничивалось одной только жабой. Утверждали, что присутствовала также и романтическая линия: подруга Каммерера, оперная певица, оставила его, так как не хотела ехать в Москву. Слухи находят отражение и в фильме Луначарского, где жена Каммерера, ревностная католичка, предает его, изменяет ему с его злейшим врагом и становится главной опорой заговора.) И в центре кругов такого рода повторяющихся ускользаний, как в центре циклона, намечается точка возможного размыкания. Точка, где мы можем вырастить себе те или иные когти, крюки, шипы — инструменты, которые позволят нам зацеплять реальность и не давать ей уйти (прежде всего от самой себя).

Желательное и нежелательное выявляются сверхдетерминированно, исходя из подвергаемых тщательному допросу и селекции настаивающих повторений конфликта. Однако вмешательство коинцидентальной онтологии этим не ограничивается. Пожалуй, более важным и существенным является второй момент, касающийся субъекта эволюции. Утверждение субстанциональности удерживания-вместе-разделенного позволяет ответить на этот вопрос принципиально новым образом. Борьба за отбор происходит не между индивидами, видами или генами. Настоящий конфликт за выживание — это всегда конфликт между несовместимыми мирами или несовместимыми темпоральными ря-

17. Как справедливо утверждает Карл Юнг, несмотря на все усилия, предпринимаемые Каммерером в его книге «Закон серий» для того, чтобы сделать совпадение объектом мысли и знания, в конечном итоге совпадение все равно оказывается упущенным, коллапсируя в единство «закона». Замечание, впрочем, не мешает самому Юнгу повторить ту же ошибку, располагая удерживание-вместе-разделенного в пространстве коллективного бессознательного и подчиняя таким образом связь-без-связи предзаданному единству. См.: Юнг К. Г. Синхроничность. М.: Рефл-Бук; Ваклер, 1997.

18. См.: Регев Й. Коинцидентология. С. 33–55.

дами (поскольку каждый мир содержит в себе свою тотальность прошлого, настоящего и будущего)¹⁹.

Перехода от незнания к знанию, от успевания к неуспеванию, от неудерживания к удерживанию не существует: либо мы никогда ничего не понимали и не поймем, либо нам с самого начала все уже было ясно; либо никогда не успеем, либо уже успели; у самца жабы-повитухи либо никогда не было когтей, либо они были всегда. Все предопределено, но свобода дана: ситуация всегда детерминирует все возможные исходы, но, изменяя степень разрешения, мы можем трансформировать саму ситуацию, вместе со всем ее будущим и прошлым.

В этом отношении коинцидентальный метод, предотвращая коллапс вопроса о синтезе в вопрос о трансцендентальном, завершает коперниканскую революцию и превращает ее из буржуазной в коммунистическую. Движения солнц и планет, орбиты и маршруты макроскопических масс зависят от не замечаемого нами движения нас самих, точнее, почвы под нашими ногами. Но отсюда не следует, что по отношению к этому движению мы должны оставаться пассивными наблюдателями, способными в лучшем случае лишь воспроизвести основные моменты движения с помощью критическо-трансцендентальной философии. Мечта русских космистов о превращении планет в передвигающиеся согласно воле людей космические корабли косвенно отражает облик Настоящего Аттракциона: вторжение в область тех синтезов, которые превращают землю в землю, перекраивание земель, их перенарезание и пересведение.

Не только проникнуть внутрь синтеза трансцендентального воображения, сшивающего вместе бесконечное множество то-

19. В определенном смысле мы обращаемся здесь к еще одной фигуре 1920-х, ждущей своего микширующего избавления. С точки зрения Эммануила Енчмена, основателя теории новой биологии, основным субъектом эволюции являются сенсомоторные цепи: отбор происходит между последовательностями «стимул — реакция». В условиях господства буржуазного и других эксплуататорских общественных систем цепи, ведущие к повышению степени жизнеспособности, оказываются вытесненными цепями астенности, уменьшающими жизненную силу и ведущими к смерти. Задачей революционно-научных советов, которым должна быть передана вся полнота власти, будет обеспечение максимального предпочтения сенсомоторным цепям, ведущим к увеличению «коэффициента радости». Коэффициент радости каждого, фиксирующийся в ежегодно выдающемся биологическом паспорте, и будет определять его место в системе труда и потребления в коммунистическом обществе. См.: *Енчмен Э.* Восемнадцать тезисов о теории новой биологии. Владикавказ, 1920.

тальностей временных миров; не только стать подобным лейбницевскому Богу, разрешающему битву невозможных миров за существование и осуществляющего выбор наилучшего из них, — мы хотим большего. Дерево познания добра и зла, наилучшего и наихудшего — лишь эрзац с недостаточной степенью разрешения. Необходимо так прояснить его, чтобы оно само оказалось деревом жизни — методом, дающим возможность оперировать внутри области совместимого и несовместимого, нарезая миры как треки, выбирая из каждого максимально адекватное и сводя выбранные куски вместе²⁰.

20. Необходимость выбора между несовместимым все в большей степени ощущается в нашей актуальной ситуации как главная и необоснованная несправедливость и главный императив угнетения. Делёзианское «необарокко», основанное на выборе сразу всех возможных миров, призвано служить оружием в борьбе именно против этого угнетения (ср.: Делёз Ж. Складка: Лейбниц и барокко. М.: Логос, 1997). Ланд и CCRU продолжают и развивают именно эту делёзовскую стратегию: гиперверие противопоставляет «Порядку Единого Бога», настаивающему на выборе одного-единственного мира, бесконечную пандемоническую множественность фикциональных миров как средств магической интервенции. Однако такого оружия недостаточно. Начнем хотя бы с того, что выбор всех возможных миров с легкостью коллапсирует в не-выбор ни одного, а только этого-то Контроля и надо: отказывающийся от выбора вычеркивает себя из реальности и не представляет для власти Контроля никакой опасности. Переключатель между «выбором всего» и «не-выбором ни одного» работает в автоматическом режиме — вжух, и ты уже ничего не выбираешь, а контролировать его нет возможности: мы ведь отказались от контроля. Даже больше того, в необарочном варианте остается неприкосновенной наиболее глубинная составляющая лейбницевской модели — невозможность оперирования в несовместимом. Мы можем стать богом, выбирающим один из возможных миров (как, по сути дела, происходит уже у Канта), или можем выбрать все миры одновременно — это не отменяет того основополагающего факта, что мы ничего не можем сделать с их несовместимостью (разве что попытаться отменить и не обращать на нее внимания, что также равносильно поражению, ведь несовместимость никуда не девается). Подлинное покушение на власть Контроля может быть лишь покушением на сам принцип «сведения вместе» и утверждение возможности производить «замыкание» или «заканчивание» не так, как его производит Порядок Единого Бога, а по-другому. Для этого необходимо имманентное прояснение оснований «несовместимости»; именно оно дает возможность, учитывая характер и типы совместимостей, активно действовать в области невозможных миров, выбирая — в соответствии с конкретным анализом конкретных обстоятельств, в которых мы находимся, — оптимальные куски каждого из миров и сшивая их вместе в общий трек.

Подобная деятельность, конечно же, не является чисто волюнтаристской: существуют законы совместимости и несовместимости, а их прояснение, осуществляемое благодаря постановке вопроса о способах и типах удерживания-вместе-разделенного, и делает возможным нарезку и сведение. Ветер продолжает быть основой нашего движения, но знание природы ветров позволяет нам изобретать различные виды парусов, в том числе и такие, которые помогут нам двигаться против ветра.

Разработка принципов «опти-микшн» — методической основы, могущей послужить руководством для выбора и сведения вместе максимально адекватных отрезков несовместимых времен в каждой конкретной ситуации, — одна из основных задач коинсидентального метода и коинсидентального анализа на настоящий момент. Ограничимся здесь первичным очерчиванием ее контуров: указанием на фигуру пробуждающегося. Настоящий Аттракцион — это аттракцион ти-джеинга, смешивающего и нарезающего миры. Земле придется подвинуться.

Библиография

- CCRU. 1997–2003. Falmouth: Urbanomic; Time Spiral Press, 2017.
- Koestler A. The Case of the Midwife Toad. N.Y.: Random House, 1972.
- Land N. Annotated #Accelerate (#1) // Urban Future (2.1). 14.02.2014. URL: <http://uf-blog.net/annotated-accelerate-1/>.
- Land N. Annotated #Accelerate (#2) // Urban Future (2.1). 15.02.2014. URL: <http://uf-blog.net/annotated-accelerate-2/>.
- Land N. Fanged Noumena. Falmouth: Urbanomic, 2011.
- Land N. Odds and Ends: On Ultimate Risk // Collapse. 2015. Vol. 8. P. 361–383.
- Land N. Teleoplexy: Notes on Acceleration // #ACCELERATE: The Accelerationist Reader / R. Mackay, A. Avanesian (eds). Falmouth: Urbanomic, 2014. P. 509–520.
- Lemurian Time War // CCRU. 1997–2003. Falmouth: Urbanomic; Time Spiral Press, 2017. P. 33–53.
- Williams A., Srnicek N. #Accelerate: Manifesto for an Accelerationist Politics // #ACCELERATE: The Accelerationist Reader / R. Mackay, A. Avanesian (eds). Falmouth: Urbanomic, 2014. P. 347–362.
- Делёз Ж. Представление Захер-Мазоха // Венера в мехах. М.: РИК «Культура», 1992. С. 189–314.
- Делёз Ж. Складка: Лейбниц и барокко. М.: Логос, 1997.
- Енчмен Э. Восемнадцать тезисов о теории новой биологии. Владикавказ, 1920.
- Пепперштейн П. Жидкий азот // Он же. Эпоха аттракционов. М.: Garage, 2017.
- Пепперштейн П. Холодный центр солнца // Он же. Предатель ада: Рассказы. М.: НЛО, 2018.
- Регев Й. Коинциденология: краткий трактат о методе. СПб.: Транслит, 2015.
- Регев Й. Невозможное и совпадение. Пермь: Гиле Пресс, 2016. С. 49–74.
- Юнг К. Г. Синхроничность. М.: Рефл-Бук; Ваклер, 1997.

YOEL REGEV. Associate Professor in the Department of Political Science and Sociology (Philosophy Program), yoel.regev@gmail.com.
European University at St. Petersburg (EUSPb), 6a Gagarinskaya str.,
St. Petersburg 191187, Russia.

Keywords: Nick Land; accelerationism; hyperstition; teleoplexy; coincidentology; tjing.

The paper deals with the accelerationist movement as a whole and particularly with Nick Land's version of accelerationism. A special focus is placed on the concept of "hyperstition" and its role in Land's thought — starting from the earliest phases of "dark Deleuzianism" and texts written for the CCRU group and culminating in the recent theses on "teleoplexy" and risk. A comparison of Land's version of accelerationism to Srnicek and Willianse's "left accelerationism" makes it possible to clarify the central conflict of accelerationism as such. The techniques of dealing with the forces of the "Outside" are reduced to a manic-depressive movement between the poles of "necessity" and "chance;" however, such a reduction is far from being evident or justified.

The paper shows that the accelerationist movement is part of a broader context in which European thought of the recent two centuries is haunted by the concept of "contingent necessity:" from the "system of freedom" of German Idealists and to such concepts as Catherine Malabou's "plasticity" and Quentin Meillassoux's "hyper-chaos." The explication of the "active substance" of the accelerationist "Disneyland" makes it possible to provide an alternative: the concept of radical Tjing. The coincidental speculative intervention, while clarifying the structures of the pure holding-together-of-the-distinct, serves as a ground for the active practice of cutting and mixing of incompatible temporal series. While turning the passive synthesis of the transcendental imagination onto the active, TJ replaces the question of "what else can happen" with the question of "what has happened — and how can we change it" as the real centre of practice and theory.

DOI: 10.22394/0869-5377-2018-2-139-156

References

- CCRU. 1997–2003, Falmouth, Urbanomic, Time Spiral Press, 2017.
- Deleuze G. Predstavlenie Zakher-Mazokha [Présentation de Sacher-Masoch]. *Venera v mekhakh* [Venus in Furs], Moscow, RIK "Kul'tura", 1992, pp. 189–314.
- Deleuze G. *Skladka: Leibnits i barokko* [Le pli. Leibniz et le baroque], Moscow, Logos, 1997.
- Enchmen E. *Vosemnahtsat' tezisov o teorii novoi biologii* [Eighteen Theses on the Theory of New Biology], Vladikavkaz, 1920.
- Jung C. G. *Sinkhronistichnost'* [Synchronizität], Moscow, Refl-Buk, Vakler, 1997.
- Koestler A. *The Case of the Midwife Toad*, New York, Random House, 1972.
- Land N. Annotated #Accelerate (#1). *Urban Future* (2.1), February 14, 2014. Available at: <http://ufblog.net/annotated-accelerate-1/>.
- Land N. Annotated #Accelerate (#2). *Urban Future* (2.1), February 15, 2014. Available at: <http://ufblog.net/annotated-accelerate-2/>.
- Land N. *Fanged Noumena*, Falmouth, Urbanomic, 2011.
- Land N. Odds and Ends: On Ultimate Risk. *Collapse*, 2015, vol. 8, pp. 361–383.

- Land N. Teleoplexy: Notes on Acceleration. #ACCELERATE: *The Accelerationist Reader* (eds R. Mackay, A. Avanesian), Falmouth, Urbanomic, 2014, pp. 509–520.
- Lemurian Time War. *CCRU. 1997–2003*, Falmouth, Urbanomic, Time Spiral Press, 2017, pp. 33–53.
- Pepperstein P. Zhidkii Azot [Liquid Nitrogen]. *Epokha attraktsionov* [Age of Attractions], Moscow, Garage, 2017.
- Pepperstein P. Kholodnyi tsentr solntsa [Cold Center of the Sun]. *Predatel' ada: Rasskazy* [Betrayal of the Hell: Short Stories], Moscow, New Literary Observer, 2018.
- Regev Y. *Koinsidentologiya: kratkii traktat o metode* [Coincidentology: Short Treatise on the Method], Saint Petersburg, Translit, 2015.
- Regev Y. *Nevozmozhnoe i sovpadenie* [Impossible and Coincidence], Perm, Hyle Press, 2016.
- Williams A., Srnicek N. #Accelerate: Manifesto for an Accelerationist Politics // #ACCELERATE: *The Accelerationist Reader* / R. Mackay, A. Avanesian (eds). Falmouth: Urbanomic, 2014. P. 347–362.